

И.В. Соболева¹

СФЕРА ТРУДА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ВЕХИ РАЗВИТИЯ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ*

Ключевые слова: сфера труда, глобализация, безработица, работающие бедные, сегментация рынка труда, неформальные трудовые отношения, неустойчивая занятость.

В условиях резкого ухудшения экономической ситуации под влиянием распространения коронавирусной инфекции социально-трудовая сфера России столкнулась с веером вызовов, чреватых дестабилизацией социально-экономического положения широких слоев населения. По мнению большинства экспертов, одним из самых тревожных среди них является рост безработицы. Прогнозные оценки уровня безработицы в 2020 г. варьируются от 8–9% и выше. Информационные агентства тиражируют прогноз А. Кудрина, согласно которому в течение текущего года масштабы безработицы вырастут втроекратно с 2,5 млн до 8 млн человек, что означает рост уровня безработицы с рекордно низких 4,4% в январе текущего года до почти 14%¹. С такими масштабами безработицы страна сталкивалась лишь однажды — в низшей точке трансформационного кризиса в ноябре 1998 г. В интервью информационному

агентству REGNUM Б. Кагарлицкий делится опасением, что в ближайшем будущем возможен скачек безработицы до уровня в 10–12%, что рискует обернуться дезорганизацией всех социально-экономических процессов². Согласно базовому варианту прогноза Высшей школы экономики, в 2021 г. безработицей будет охвачен каждый десятый работник³.

В то же время ряд авторитетных экспертов выступают с более осторожным прогнозом. Согласно расчетам специалистов Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, в 2021 г. уровень безработицы может достичь 8–8,3% лишь в случае второй волны пандемии, но и в этом варианте в 2022–2023 гг. он снизится до 7–7,3%. При этом конструктивный вариант развития событий, предусматривающий активную государственную поддержку, позволяет уже в текущем

¹ <https://www.rbc.ru/economics/13/04/2020/5e9425fa9a794785f7ee788>.

² <https://regnum.ru/news/economy/2897782.html>.

³ <https://www.rbc.ru/society/27/04/2020/5ea736a29a7947c355361fcb>.

¹ **Соболева Ирина Викторовна**, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра политики занятости и социально-трудовых отношений Института экономики РАН, Москва, Россия (irasobol@gmail.com).

*Цитирование: Соболева И.В. (2020). Сфера труда в постсоветской России: вехи развития и новые вызовы // Вопросы политической экономики. № 4 (24). С. 105–119.

DOI: 10.5281/zenodo.4422757 (<https://doi.org/10.5281/zenodo.4422757>)

году выйти на уровень безработицы 5,5–5,8%, что примерно соответствует ситуации 2012–2016 гг.⁴ По мнению Э. Набиуллиной, неопределенность текущего момента не позволяет делать валидные прогнозы в отношении динамики безработицы⁵.

Представляется, что в первом приближении оценить вектор возможных изменений, которые ждут российских трудящихся, в том числе риски роста безработицы и социальной напряженности в обществе, помогает ретроспективный анализ развития сферы труда, ее государственного регулирования и адаптационных механизмов, к которым прибегало население в турбулентные времена становления рыночной системы отношений. Попытка выделения основных вех этого процесса предпринята в данной статье.

Стартовые позиции

На рубеже 80-х–90-х годов прошлого века Россия представляла собой закрытую экономику, которую отличала весьма высокая степень социально-экономической защищенности работающего населения, обеспечиваемая в рамках негласного социального контракта. Патерналистское государство имело четкие представления о наиболее важных, по его мнению, параметрах благополучия людей и брало на себя ответственность за их обеспечение. Первейшим его приоритетом была полная занятость населения. При этом законодательно установленный минимум заработной платы составлял приблизительно полтора так называемых минимальных потребительских бюджета (Соболев, 2017. С. 17). Таким образом, в советской системе был гарантирован весьма скромный, однако социально приемлемый

уровень жизни работников и их семей.

Социально-экономическое положение высококвалифицированных работников было неоднозначным. Обязательства по минимальной заработной плате оставляли мало простора для её дифференциации, а потому монетарная отдача на накопленный человеческий капитал была минимальна. Однако его наличие давало весомые немонетарные выгоды, такие как более высокая удовлетворённость содержанием трудовой деятельности, автономия на работе, лучшие условия труда и уважение окружающих. Высокий престиж квалифицированной профессиональной деятельности стимулировал молодых людей инвестировать в образование, доступность социальных благ позволяла им реализовать свои амбиции независимо от социального статуса и экономических возможностей семей, а «железный занавес» перекрывал возможности оттока квалифицированной рабочей силы из национальной экономики. Таким образом, системе удавалось сочетать благоприятные условия развития национального человеческого потенциала с весьма скромным уровнем жизни населения и эгалитарным распределением доходов. По данным Росстата, на момент начала реформ коэффициент Джини для совокупных денежных доходов составил всего 0,260, а коэффициент Джини для заработной платы — 0,317. Оба показателя были ниже, чем в большинстве развитых стран, не говоря уже о таких развивающихся странах, как Бразилия, Колумбия и Чили. С постиндустриальной эпохой, повлекшей за собой глобализацию, многое изменилось.

Фактор глобализации в реформировании сферы труда

Вектор трансформации социально-трудовой сферы в последнее десяти-

⁴ <http://www.finmarket.ru/news/5208451>.

⁵ <https://iz.ru/995360/2020-04-03/nabiullina-otcenila-risk-rosta-bezrabotitcy-v-rossii>.

титетие прошлого века был во многом задан процессом глобализации, способствовавшим проникновению в Россию ценностей и норм, укорененных в рыночных экономиках западных стран с неолиберальной культурой (Afisi, 2011; Berggren&Nilsson, 2015; Whalley, 2005). Именно идеологическая составляющая глобализации в значительной мере сформировала траекторию преобразований, не позволившую обеспечить достойную занятость квалифицированной рабочей силы и эффективно использовать конкурентные преимущества национального человеческого потенциала, накопленные в советский период.

На старте реформ на вооружение был взят стандартный неолиберальный подход, получивший отражение в принципах Вашингтонского консенсуса, который ёмко охарактеризован в материалах Международной организации труда: «В основе этого политического пакета лежит убеждение, что национальным правительствам следует ослабить власть над национальной политикой и приспособляться к диктату глобальной модели, определённой и продвигаемой базирующимися в Вашингтоне международными финансовыми институтами. Эти институты можно в некотором смысле назвать акушерами глобализации и, в частности, экономической либерализации» (ILO, 2004. Р. 20).

Именно благодаря восприятию идей либерального мейнстрима страна выбрала стратегию минимизации роли государства в экономической и социальной сферах, что привело к серьёзному экономическому спаду, сопровождавшемуся регрессивными изменениями в структуре спроса на труд, усилением позиций капитала и подрывом социально-экономической защищённости трудящихся, стремительным углублением неравенства. В этот пери-

од опасение масштабного роста безработицы впервые было провозглашено в качестве ключевого риска развития социально-трудовой сферы. Однако в реальности развитие пошло по несколько иному пути.

Вопреки ожиданиям на протяжении периода экономического спада 1990-х годов высвобождение рабочей силы с предприятий существенно отставало от темпов падения ВВП. В низшей точке кризиса в 1998 г. ВВП по сравнению с докризисным периодом сократился почти вдвое (57,4% от уровня 1990 г.), а занятость — менее чем на четверть (до 77,4%). Безработица нарастала медленно и достигла социально опасных значений лишь на короткий период в 1998–1999 гг., после чего началось ее устойчивое сокращение, продолжавшееся на всем протяжении периода восстановительного роста (Погосов, Соколовская, 2016).

В числе основных причин, относительно скромных по сравнению с масштабами экономического спада размеров безработицы, как правило, называют неготовность предприятий увольнять работников, желание сохранить трудовые коллективы, в том числе и в силу существования «советской» традиции накопления резервов избыточной рабочей силы внутри предприятия. Поэтому в трансформационный период предпочтение отдавалось адаптационным механизмам, связанным с экономией на заработной плате, таким как перевод на режим неполного рабочего времени, задержки заработной платы, вынужденные отпуска по инициативе администрации, а не открытым увольнениям (Соболева, 2001).

Выражением этого процесса стало сокращение средних показателей заработной платы более чем втрое. При этом снижение значительно варьиро-

валось в зависимости от вида экономической деятельности. В выигрышном положении оказались немногие сектора экономики, получившие выгоду от глобализации. Так, заработки в топливных отраслях оказались в среднем в 4–5 раз выше по сравнению с сельским хозяйством, обрабатывающей промышленностью и отраслями нематериального производства — образованием, здравоохранением, культурой. С учётом широкого распространения невыплат заработной платы, не затронувшего благополучные сектора, фактический разрыв в доходах от занятости между привилегированными видами деятельности и остальной экономикой был ещё выше. В число работающих бедных попали как представители рабочих профессий, образующие костяк кадрового потенциала промышленных предприятий, так и высококвалифицированные кадры бюджетного сектора. Снижение заработной платы в концентрирующих высококвалифицированную рабочую силу отраслях, играющих ключевую роль для человеческого развития, было наиболее значительным. В 1990-х годах заработки медицинских работников упали ниже черты бедности, а в сфере образования составляли менее полутора прожиточных минимумов (Долматов, 2017).

В этот период в России был создан институт служб занятости и введены пособия по безработице. Однако, несмотря на весьма скромные по сравнению с одновременно проходившими трансформационный процесс странами Центральной и Восточной Европы масштабы безработицы, службы занятости оказались неспособны «переварить» поступающий к ним поток соискателей рабочих мест, а размеры пособия не обеспечивали поддержания даже минимально приемлемого уровня жизни

(Четвернина, 2001). Как это ни странно на первый взгляд, именно крайне низкая эффективность государственных механизмов содействия занятости и социальной защиты и гражданам, лишившимся работы (или дохода от занятости при формальном сохранении рабочих мест), стала важным фактором, ограничивающим размах безработицы. В условиях отсутствия адекватной поддержки со стороны государства люди не могли позволить себе оставаться в процессе поиска работы до тех пор, пока не будет найдено рабочее место, соответствующее уровню их квалификации и притязаний «из прежней жизни». Им приходилось самостоятельно и достаточно оперативно разрабатывать стратегии адаптации, дающие средства к существованию. Ситуация способствовала массовому развитию примитивных форм предпринимательской инициативы, ставших ключевым адаптационным механизмом населения. Начался массовый отток производственных рабочих и работников бюджетного сектора, находившихся в состоянии подавленной безработицы, в менее квалифицированные, но дающие достаточный для содержания семьи заработок виды деятельности (Соболева, 2001).

Наиболее распространенной сферой приложения невостребованного официальной экономикой труда стала челночная торговля. Согласно экспертным оценкам, по крайней мере, 10 миллионов человек (около 15% экономически активного населения) оставили привычную профессиональную деятельность, чтобы работать в челночной торговле, а еще 10 миллионов имели челночную торговлю в качестве второй занятости (Яковлев и др., 2007). Контингент, ушедший в челноки, состоял из представителей разных, но, как правило, квалифицированных профес-

сий — от военных инженеров до музыкантов, учителей и врачей. По данным независимых обследований, более 90% из них имели высшее образование, а многие из них — ученые степени, и находились на пике трудоспособного возраста⁶.

Будучи изначально вынужденным выбором, челночная торговля стала важным механизмом выживания при отсутствии эффективных социальных амортизаторов. Некоторые исследования указывали, что в процессе челночной торговли национальный человеческий потенциал обогатился новыми навыками, необходимыми для успешного функционирования в современной рыночной экономике (Яковлев и др., 2007). Тем не менее, большинство были вынуждены признать в целом негативные долгосрочные последствия этапа бурного развития примитивных форм индивидуального предпринимательства как для квалификации работников, так и для формирования системы норм и практик регулирования российского рынка труда. Во-первых, неизбежным результатом примитивизации занятости стали постепенная деградация значительной части накопленного человеческого капитала (а в некоторых случаях и необратимая утрата уникальных технических квалификаций), что стало основой для обострения структурных дефицитов рынка труда в следующем десятилетии. Во-вторых, экономика выживания стала питательной почвой для широкого распространения неформальных трудовых отношений, формирования так называемого «прекариата» — слоя неустойчиво занятых работников, полностью лишенных государственной поддержки и плохо способных противостоять капиталу для защиты своих инте-

ресов.

Восстановительный рост и сегментация сферы труда

Начавшийся в конце 1990-х годов период восстановительного роста сопровождался заметным укреплением положения экономически активного населения в сфере занятости и ростом трудовых доходов. На фоне благоприятной для России конъюнктуры мирового рынка вплоть до кризиса 2009 г. наблюдался устойчивый рост средних показателей заработной платы, позволивший компенсировать её падение в предшествующее десятилетие. При этом регулярное повышение официального минимума оплаты труда имело следствием снижение сложившихся в период трансформационного кризиса запредельных показателей неравенства в распределении трудовых доходов. Соотношение зарплаток 10% наиболее высокооплачиваемых и 10% самых низкооплачиваемых слоев рабочей силы снизилось с максимальных значений в 39,6 раза в 2001 г. до 15,8 раза в 2009 г. В мировой практике такой уровень дифференциации также считается чрезмерным (Соболев, Соболева, 2014), но все же это позволило сократить долю населения с доходами ниже прожиточного минимума более чем вдвое (до 14% в преддверии кризиса 2009 г. по сравнению с 29% в 2000 г.).

Тем не менее, сформированные во время трансформационного кризиса особенности и проблемы в области организации социально-трудовых отношений не только не рассосались, но и во многом определили контуры дальнейшего развития социально-трудовой сферы. Прежде всего, дали о себе знать сгенерированные в процессе спада уязвимые зоны трудового потенциала, которые породили комплекс структурных дефицитов на рынке труда. С од-

⁶ http://www.ofdp.ru/news/_news061005at095018/full.shtml.

ной стороны, работодатели реального сектора столкнулись с проблемой так называемой демографической ямы — истончения ответственного за сохранение и воспроизводство внутрифирменного человеческого капитала ядра трудовых коллективов, состоящего из зрелых опытных кадров. С другой стороны, разрушение культуры рабочего класса усугубляло проблему снижения популярности рабочих профессий среди молодежи.

Важной особенностью восстановительного периода, которая долгое время не привлекала к себе повышенного внимания ни со стороны исследователей, ни со стороны практических политиков, стала растущая сегментация сферы труда. В сочетании с весьма выгодной для России конъюнктурой нефтяных рынков увенчавшая трансформационный кризис девальвация российской валюты способствовала усилению конкурентоспособности национального экспорта. Это привело к закреплению особого положения сферы ТЭК и обслуживающей ее финансовой и информационной инфраструктуры. Здесь сформировался сектор привилегированных рабочих мест, характеризовавшийся весьма высокой по российским меркам заработной платой, корпоративными системами социальной защиты работников и четким соблюдением законодательных норм. Его основу заложили продвигающиеся на российский рынок транснациональные корпорации, которые развернули свою деятельность в регионах нефтедобычи с головными офисами в столичном регионе. В дальнейшем цивилизованные практики трудовых отношений воспринял и российский крупный бизнес. В то же время этот относительно благополучный сектор играл далеко не ведущую роль в обеспечении занятости. Подавляющая часть экономически ак-

тивного населения, в особенности жители села, небольших и средних городов и сельской местности, испытали значительные трудности доступа к достойной занятости (Соболев, 2015).

В то же время показатели безработицы в этот период уже не демонстрировали социально опасных значений и устойчиво снижались, составив в преддверии кризиса 2009 г. лишь около 6%. Подчеркнем, что масштабы безработицы сокращались по всей территории страны, в том числе в регионах с не очень благоприятной социально-экономической ситуацией и высоким уровнем бедности. И это обстоятельство вряд ли можно объяснить активизацией государственной политики на рынке труда.

Институт государственной поддержки безработных и содействия занятости и в этот период продолжал работать крайне неэффективно, что наиболее рельефно проявлялось в огромном расхождении показателей фактической безработицы, измеряемой через обследования населения на основе методологии Международной организации труда, и официально зарегистрированной безработицы, данные о которой поступали из отчетности государственной службы занятости. По сути, показатель зарегистрированной безработицы отражает не её реальные масштабы, а долю фактически безработных, которые охвачены государственной поддержкой. В большинстве развитых стран показатели фактической и регистрируемой безработицы близки, что свидетельствует об очень высоком охвате безработных государственными программами. В России преодоление экономического спада не способствовало расширению государственного участия в судьбе соискателей рабочих мест: пособиями по безработице и государственными про-

граммами содействия занятости оставался охвачен в лучшем случае один из четырёх безработных.

С одной стороны, получение статуса безработного оставалось непростой задачей, поскольку этот процесс бюрократически сложен. С другой стороны, вакансии, имеющиеся в распоряжении службы занятости, охватывают преимущественно нижний сегмент рынка труда. Они часто не удовлетворяют соискателей рабочих мест ни по уровню оплаты, ни по условиям труда, а по своей структуре существенно расходятся с профессионально-квалификационными характеристиками безработных. Да и величина пособия, максимальный размер которого составлял на тот момент около 3 тыс. рублей, не позволял лицам, не имеющим альтернативных источников дохода, сосредоточиться на поиске работы в течение сколько-нибудь продолжительного времени. Такая ситуация побуждала работников, лишившихся рабочих мест и дохода от занятости, решать свои проблемы самостоятельно и быстро, а потому стала питательной средой для дальнейшего развития сектора доступной, но часто низкодоходной занятости с широким использованием неформальных практик взаимоотношений работодателя и работника. Именно здесь берёт истоки значительная часть российского малого бизнеса, который и сегодня обеспечивает занятость для более половины работающего населения страны, используя при этом широкий спектр рычагов усиления эксплуатации. По результатам проведенного в Институте экономики РАН обследования социально-экономической защищённости работников малого бизнеса,⁷

почти половина респондентов (49,3%) указали на несоблюдение трудового законодательства по вопросам, связанным с оплатой труда (задержки выплат, невыплаты заработка в полном объеме и др.). Четверть респондентов (25,4%) отметили нарушения в части оплаты сверхурочных работ и работы в выходные дни, каждый шестой (15,7%) указал на не предоставление или неоплату очередного отпуска, каждый десятый (10,2%) на неоплату временной нетрудоспособности.

В целом второе десятилетие реформ характеризовалось обострением структурных диспропорций между параметрами накопленного человеческого капитала и потребностями растущей экономики. При этом рост спроса на квалифицированный труд и формирование в сегменте крупного бизнеса корпоративных механизмов социального развития способствовали усилению дифференциации условий занятости и формированию сегментированного рынка труда с обширными нишами неформальных трудовых отношений, открывающих простор для развития механизмов усиления эксплуатации труда капиталом.

Период экономической нестабильности и вызовы пандемии

После кризиса 2009 г. вектор развития социально-трудовой сферы формировался под действием широкого веера разноплановых факторов. В их числе резкие колебания конъюнктуры мировых рынков, к которым добавились способствовавшие новой волне экономического спада санкции со стороны стран ОЭСР, серьезные изменения динамики демографических процессов, стремительное распространение цифровых

⁷ Проведено Центром политики занятости и социально-трудовых отношений ИЭ РАН по заказу Уполномоченного по правам человека г. Москвы в 2014–2015 гг. Объем выборки составил 822 ре-

спондента (Социально-экономическая защищенность..., 2016).

технологий и, наконец, пандемия коронавируса, социально-экономические последствия которой пока еще сложно оценить.

Уже с середины 2000-х гг. Россия стала ощущать демографический сдвиг, связанный с сокращением населения трудоспособного возраста. С 2006-го по 2019 год оно снизилось с 90,4 млн человек до 81,4 млн человек, в то время как численность населения старше трудоспособного возраста увеличилась с 29,4 до 38,0 млн. По прогнозам экспертов Росстата, перелома тенденции можно ожидать не ранее, чем через 10 лет.

Социально-экономические последствия этого процесса неоднозначны. С одной стороны, рост доли экономически неактивных категорий в составе населения увеличивает нагрузку на работающих и на пенсионную систему. Актуальным становится поиск путей продления трудовой жизни. В этих условиях выбор государства в пользу повышения пенсионного возраста преследует не только финансовые цели, но и привлечение в экономику дополнительных трудовых ресурсов. С другой стороны, наблюдаемый демографический сдвиг объективно снижает и без того невысокие риски расширения избыточного предложения труда — безработицы. И в то же время проблемы состыковки спроса и предложения труда достаточно часто носят не чисто количественный, а структурный характер.

Уже в ходе кризиса, накрывшего Россию в 2009 г., выявились зоны неэффективной занятости, затронувшие в основном младшие возрастные когорты. На этапе восстановительного роста в благополучном сегменте рынка труда, представленном крупным бизнесом, существенно выросло число «представительских» рабочих мест для менеджеров и офисных работников, позиции

которых оказались весьма непрочными, с ухудшением экономической конъюнктуры. В сфере информационных технологий работодатели сократили одного из 7–10 офисных работников, в сфере ТЭК — каждого пятого⁸. При этом трудности с переходом от учебы к работе испытали многие выпускники вузов, получившие образование по популярным экономическим и юридическим специальностям. Такая же ситуация повторилась в 2015 г. и опять наблюдается сегодня на фоне пандемии⁹.

В целом, однако, позиции молодежи на рынке труда вряд ли можно называть слабыми. Во многом это связано с расширением пространства цифровой экономики, которая генерирует дополнительный важный источник неравенства — так называемое цифровое разделение (*digital divide*). В сфере занятости оно оборачивается снижением конкурентоспособности работников, не обладающих достаточными цифровыми навыками. Доминирующим фактором неравенства в освоении цифровых технологий выступает возраст. Работники старших возрастов часто имеют квалификацию «доцифрового» поколения и уступают по конкурентоспособности молодежи ввиду недостаточности элементарных навыков цифровой грамотности. По данным Комплексного наблюдения условий жизни населения Росстата, в возрастной группе 55–59 лет нужные навыки имеют менее 60%, а в возрасте 60–64 года — менее половины. Это ставит под вопрос возможность решать проблему демографической нехватки рабочей силы путем повышения трудоспособного возраста.

⁸ http://netsnosu.ru/board/arkhiv_novostej/pro_polozhenie_v_strane/v_rossii_zarabotali_nauvolennykh/5-1-0-432.

⁹ <https://plus.rbc.ru/news/5c9825ce7a8aa929e5e44325>.

Казалось бы, развитие цифровых технологий должно расширить возможности гибкой дистанционной занятости для уязвимых групп населения, для которых стандартная занятость по разным причинам неприемлема или труднодоступна, таких как лица с ограниченными возможностями здоровья или отягощенные обязанностями по уходу за членами семьи. Исследования, однако, показывают, что с распространением цифровых технологий их уязвимость, наоборот, возрастает, поскольку уровень освоения цифровых навыков и доступность сети Интернет для представителей этих групп существенно ниже, чем по населению в целом¹⁰. В зону риска попадают также лица с невысоким уровнем образования, члены бедных и малообеспеченных домохозяйств, жители сельской местности.

Последнее десятилетие характеризуется некоторым усилением активности государства в регулировании отношений труда и капитала и в защите интересов наиболее уязвимых категорий трудящихся. Значимой вехой в этом отношении стало доведение официального минимального размера оплаты труда до уровня прожиточного минимума. Это привело к существенному росту заработков работников, занятых в секторе крупного и среднего бизнеса. Между последними раундами обследования заработных плат Росстата (2017-го и 2019 гг.) в реальном выражении они выросли более чем на треть, причем заметное улучшение прослежи-

валось практически во всех регионах. Можно, однако, предположить, что новое повышение МРОТ в меньшей степени затронуло малый бизнес, который в силу специфики процесса его становления, рассмотренной выше, пронизан неформальными трудовыми отношениями и широко практикует серые схемы оплаты труда¹¹.

В связи с этим закономерно, что именно борьба с неформальностью выдвинулась в число приоритетов государственной политики в социально-трудовой сфере. До недавнего времени отношение со стороны властей, в особенности региональных, к неформальным практикам взаимоотношений труда и капитала оставалось весьма толерантным, поскольку они выступают амортизатором проблем доступа к занятости и дефицита дохода широких слоев трудящихся, для которых не хватает достойных рабочих мест. Как показал проведенный ИЭ РАН в 2014 г. экспертный опрос¹², представители региональных органов по труду хорошо осознают это обстоятельство. Лишь один из опрошенных нами 38 региональных экспертов не нашел в неформальных трудовых отношениях никаких позитивных сторон. В качестве главных факторов их устойчивого воспроизводства эксперты из регионов без колебаний выделили нехватку рабочих мест на крупных и средних предприятиях и недостаточный уровень

¹⁰ По нашим расчетам на основе Комплексного наблюдения условий жизни населения среди лиц с ограниченными возможностями здоровья доступа в Интернет не имеют 44,9%, средиременных обязанностями по уходу — 17,2%, в то время как по трудоспособному населению в целом соответствующая доля составляет 13,3%. (Рассчитано по массиву данных комплексного наблюдения условий жизни населения Росстата).

¹¹ По оценкам экспертов «Опоры России» — организации, представляющей интересы малого и среднего бизнеса, серые схемы оплаты труда практикуют, по крайней мере, половина работодателей, а в условиях коронакризиса эта доля может увеличиться до 80%: https://business-magazine.online/fn_42748.html.

¹² Проведен Центром политики занятости и социально-трудовых отношений ИЭ РАН по заказу Минтруда России в 2014 г. Было опрошено 38 представителей региональных администраций и служб занятости в 7 регионах России (Кубишин, Соболева, 2014).

оплаты труда, побуждающий широкие слои населения искать приработки.

Задача борьбы с неформальной занятостью в последние годы выдвинулась в ранг приоритета государственной политики. Однако федеральные власти более всего беспокоит проблема неполучения налоговых поступлений с «серого» фонда оплаты труда, в то время как социальные риски, сопряженные с ростом численности прекариата, усилением эксплуатации и ухудшением условий воспроизводства рабочей силы, остаются на вторых ролях. Между тем сложившаяся система, с одной стороны, позволяет капиталу экономить на социальных отчислениях и обеспечении безопасности, способствуя росту прибылей, с другой — позволяет приглушить противостояние труда и капитала, оперативно состыковывая текущие интересы работников и работодателей, в ущерб стратегическим интересам общества и государства.

Рассмотренные особенности развития социально-трудовой сферы России необходимо учитывать при оценке возможных направлений ее реагирования на экономические ограничения в связи с пандемией коронавируса. В качестве отправной точки представляется продуктивным сравнить сложившуюся сегодня ситуацию с кризисом 1990-х годов. Тогда его отличительными чертами были падение спроса на квалифицированный труд, примитивизация занятости и накопление безработицы преимущественно в скрытых и подавленных формах, что привело к обесценению и утрате накопленных населением страны знаний, навыков, компетенций, к существенной деградации национального человеческого потенциала.

Сегодняшняя ситуация имеет и схожие черты, и отличия. Во-первых, сокращение экономической активности в

наибольшей степени затронуло сферу услуг, для которой характерна высокая трудоемкость. Последнее обстоятельство как раз и провоцирует ожидание роста безработицы. Однако ретроспектива развития трудовых отношений показывает, что, скорее всего, адаптация пойдет по иному пути: российский рынок труда обычно реагирует на кризис снижением заработных плат и активизацией неформальных адаптационных механизмов при умеренном росте открытой безработицы. Именно такого развития событий следует ожидать и теперь.

Во-вторых, в наиболее пострадавшей зоне сосредоточены преимущественно предприятия малого и среднего бизнеса, которые в большинстве своем изначально образуют сектор слабозащищенной занятости, используют серые схемы оплаты труда и широко нанимают работников невысокой квалификации. Поэтому, в отличие от трансформационного кризиса 1990-х, свертывание спроса на труд в значительно меньшей степени чревато риском утраты достойных рабочих мест и деградации профессионально-квалификационного потенциала трудящегося населения. К тому же, уже первые итоги снятия ограничений показывают, что в этом секторе занятость восстанавливается достаточно быстро. Однако в современных непростых условиях весьма вероятно дальнейшее снижение заработков и рост использования серых схем, что означает новый раунд наступления капитала на права трудящихся.

В-третьих, ограничения, вызванные пандемией, пришлось на этап бурного распространения цифровых технологий, а потому дали мощный импульс для развития дистанционных форм занятости и освоения населением актуальных цифровых навыков, которые

могут быть полезны в различных сферах жизнедеятельности не только в условиях пандемии, но одновременно содержат риски углубления бедности и социальной изоляции уязвимых групп населения, оказавшихся «по ту сторону цифрового разделения».

Через призму этих обстоятельств следует оценивать меры государственной поддержки сферы труда и возможные направления их коррекции.

В настоящее время основной фокус усилий государства направлен на поддержку бизнеса и компенсацию экономического ущерба для работников, лишившихся дохода от занятости. Решение об увеличении размера пособия по безработице¹³ привело к резкому росту масштабов регистрируемой безработицы с 0,7 млн человек в марте до 2,1 млн в мае 2020 г. В результате доля безработных, получивших доступ к государственной поддержке, возросла с рекордно низких 20,9% до беспрецедентных 46,7%. Таким образом Россия существенно приблизилась к планке, задаваемой наиболее развитыми странами с социально ориентированной экономикой, что является прорывным достижением государственной политики на рынке труда, которое, однако, может оказаться недолговечным.

Другим направлением социальной поддержки стало оказание финансовой помощи предприятиям особо пострадавших отраслей при условии максимального сохранения занятых здесь работников. Условием невозвращения предоставленных кредитов на выплату работникам компенсации в размере МРОТ является сохранение 90% докризисной численности персонала

предприятия. Такое субсидирование означает по существу консервацию подавленной безработицы и тормозит назревшие структурные сдвиги, способствующие обновлению этого сектора и повышению качества предлагаемых бизнесом рабочих мест. Отсюда следует, что развивать целесообразно первое направление, сосредоточившись на поддержке и развитии человеческого потенциала трудящегося населения, а не на спасении бизнеса и консервации рабочих мест, многие из которых не отвечают современным критериям достойной занятости, а воспроизводство рабочей силы обеспечивают, как в свое время отмечал Маркс, «в хиреющем состоянии».

Представляется, что необходима специальная программа, направленная на реформирование служб занятости, расширение их пропускной способности и спектра мер, направленных на повышение конкурентоспособности работников и обновление их человеческого капитала с учетом новых требований, выдвигаемых цифровой экономикой. Такая реформа потребует укрепления кадрового потенциала служб, что также будет способствовать (пусть и небольшому в масштабах экономики) приросту достойных рабочих мест.

Ключевым риском социально-трудовой сферы выступает, на наш взгляд, не рост открытой безработицы, а то, что возрождение сферы услуг будет происходить в значительной части на неформальной основе и сопровождаться ростом слоя прекариата, незащищенного перед лицом капитала. К стандартным, хорошо изученным факторам, способствующим его расширению, сегодня добавляются часто непосильные для малого бизнеса санитарные ограничения, обусловленные пандемией. В этих условиях от государства и, в особен-

¹³ Максимальный размер пособия по безработице был поднят до уровня прожиточного минимума, минимальный размер увеличен втрое до 4,5 тыс. руб. (О размерах..., 2020).

ности, от региональных властей требуется, с одной стороны, принятие очень аккуратных, взвешенных и, неизбежно, компромиссных решений в отношении стандартов безопасности на предприя-

тиях сферы услуг. С другой — наращивание усилий по созданию максимально комфортной для легального развития малого бизнеса институциональной среды.

ЛИТЕРАТУРА

Долматова С.А. (2017). Российская специфика дифференциации доходов в гос-секторе: работающие бедные // Вопросы политической экономии. № 1. С. 33-39.

Кубишин Е.С., Соболева И.В. (2014) Ситуационный анализ основных движущих причин неформальной занятости в Российской Федерации и предложение основных рекомендаций в целях содействия переходу от неформальной занятости к формальной // Содействие переходу к формальной экономике на примере некоторых государств — участников СНГ / Под ред. *О. Кулаевой и Ф. Лапера*. Рабочий документ №6. М.: МОТ. С. 89-134.

«О размерах минимальной и максимальной величин пособия по безработице на 2020 год». (2020). Постановление Правительства РФ от 27 марта 2020 г. N 346.

Погосов И.А., Соколовская Е.А. (2016). Экономические кризисы и безработица в России. Проблемы прогнозирования. № 6. С. 83-91.

Соболев Э.Н. (2015). Развитие инвестиционной стратегии бизнеса в сфере труда // Экономическое возрождение России. № 2 (44). С. 39-42.

Соболев Э.Н. (2017). Оплата труда в системе социально-трудовых отношений: стереотипы и российские реалии. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН.

Соболев Э.Н., Соболева И.В. (2014). Тенденции и факторы дифференциации заработной платы в российской экономике // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. № 5 (71). С. 33-50.

Соболева И. (2001). О недоиспользовании трудового потенциала общества в период перехода к рыночной экономике // Общество и экономика. № 10. С.98-119.

Социально-экономическая защищенность населения столицы, занятого в малом бизнесе / Под ред. *И.В. Соболевой* (2016) М.: ООО «ЭсПэХа».

Четвернина Т. (2001). Положение безработных и государственная политика на рынке труда // Вопросы экономики. № 2. С. 102-113.

Яковлев А.А., Голикова В.В., Капралова Н.Л. (2007). Российские «челноки» - от предпринимателей поневоле к интеграции в рыночное хозяйство // Мир России. № 2. С. 84-106.

Afisi O. T. (2011). Globalization and value system // Lumina. Vol. 22 (2). P. 1-12.

Berggren N., Nilsson T. (2015). Globalization and the transmission of social values: The case of tolerance // Journal of Comparative Economics. Vol. 43 (2), P. 371-389.

ILO (2004). Economic Security for a Better World. Geneva: ILO.

Whalley J. (2005). Globalization and Values. CESifo Working Paper No. 1441. Munich: CESifo.

Irina V. Soboleva¹

THE FIELD OF LABOUR IN POST-SOVIET RUSSIA: LANDMARKS OF DEVELOPMENT AND NEW CHALLENGES*

Keywords: *labor sphere, globalization, unemployment, working poor, labor market segmentation, informal labor relations, precarious employment.*

The article discusses the key stages of the labor sphere development in the Post-Soviet Russia: transformation crisis of the 1990s, recovery growth and the period of economic instability, crowned with the coronavirus pandemic. Particular attention is paid to the role of globalization and the state policy as key factors shaping the vector of changes during the latest three decades. It is shown that at the eve of reforms the standard neoliberal approach generated by globalization and reflected in the principles of the Washington Consensus was adopted. Uncontrolled development of market relations resulted in a survival economy and propagation of working poor and. Triggered by state neglect of social problems and low efficiency of social safety nets a mechanism replacing growth of open unemployment by informal labor relations was launched. The second

decade of reforms was characterized by growing human capital mismatch and labor market segmentation with decent jobs supplied mainly by large firms in privileged sectors of economy. Lately, the labor sphere development vector was impacted by a wide range of diverse factors, including sharp world economy fluctuations, sanctions from the OECD countries, shift in demographic trends, rapid spread of digital economy, and finally, the coronavirus pandemic. Finally, the likely mechanisms of labor sphere adaptation to the new economic reality generated by pandemic are discussed. It is shown that the key risk faced by the working population of Russia is a new round of expansion of informal labor relations and unprotected precarious employment generating more poverty and instability in the world of work.

REFERENCES

- Afisi O. T. (2011) Globalization and value system // *Lumina*. Vol. 22 (2). P. 1-12.
 Berggren N., Nilsson T. (2015) Globalization and the transmission of social values: The case of tolerance // *Journal of Comparative Economics*. Vol. 43 (2). P. 371-389.

¹ **Irina V. Soboleva**, Dr.Sc. in Economics, Chief Researcher, Chief of the Center for employment policy and social and labor relations of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow (*irasobol@gmail.com*).

* **JEL codes:** J21, J31, J38, J46, J64.

Citation: Soboleva I.V. (2020). Vector of the Russian Labor Sphere Development: Milestones and Prospects // *Problems in Political Economy*. № 4 (24): 105–119.

DOI: 10.5281/zenodo.4422757 (<https://doi.org/10.5281/zenodo.4422757>)

Dolmatova S.A. (2017) Russian specifics of income differentiation in the public sector: working poor // *Voprosy politicheskoi ekonomii*. № 1. P. 33-39. (In Russ.)

ILO (2004) *Economic Security for a Better World*. Geneva: ILO.

Kubishin E. S., Soboleva I. V. (2014) Situational analysis of the main driving forces for informal employment in Russian Federation and elaboration of measures to facilitate transition from informal to formal employment]. In: *Koulaeva O. and F. Lapeyre* (eds). *Promotion of transition from informal to formal economy based on experience of selected CIS countries*. Moscow: ILO: 89–134. (In Russ.)

“On the minimum and maximum amounts of unemployment benefits for 2020”. Resolution of the Government of the Russian Federation of March 27, 2020 N 346. (In Russ.)

Pogosov I.A., Sokolovskaya E.A. (2016) Economic crises and unemployment in Russia. *Studies on Russian Economic Development*. 27. P. 669–675. <https://doi.org/10.1134/S1075700716060137>

Sobolev E.N. (2015) Development of business investment strategy in the world of work // *Economical Revival of Russia*, Issue 2 (44). P. 39-42. (In Russ.)

Sobolev E.N. (2017) Remuneration in the system of social and labor relations: stereotypes and Russian realities. Scientific report. Moscow: Institute of Economics, RAS. (In Russ.)

Sobolev E.N., Soboleva I.V. (2014) Trends and factors of wage differentiation in the Russian economy // *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*. No 5 (71). P. 33-50. (In Russ.)

Soboleva I. (2001) On the underutilization of society labor potential during transition to market economy // *Obshchestvo i ekonomika*. No. 10. P. 98-119. (In Russ.)

Socio-economic security of population engaged in small business in the capital region (2016) / ed. *I.V. Soboleva*. Moscow.: ООО «EsPeHa».

Tchetvernina T. (2001) Situation of the unemployed and government labor market policy // *Voprosy Ekonomiki*. No. 2. P. 102-113. (In Russ.)

Whalley J. (2005) *Globalization and Values*. CESifo Working Paper No. 1441. Munich: CESifo.

Yakovlev A.A., Golikova V.V., Kapralova N.L. (2007) Russian “shuttles” - from involuntarily entrepreneurs to market economy integration // *Mir Rossii*. No. 2. P. 84-106. (In Russ.)